

Меч Ёрои Мусы, залитый кровью Всех за одного, выпал из рук Изуку и грохнулся о землю. Он смотрел вниз на неподвижное тело у своих ног. Слепой к будущему, Изуку беспокоило, что злодей снова возьмет себя в руки, сделает ему неискренний комплимент о том, что ударил его ножом в спину, как настоящий герой, и

закончит то, что он начал. Тем не менее, по прошествии времени, «Все за одного» не двигались.

— Ты в порядке? — спросил Всемогуший.

Всемогуший, сжавшись до скелета, прихрамывал к Изуку. Он влажно кашлянул в локоть. Кровь капала из уголков его губ.

«Боже мой, Всемогуший! Он тебя ударил? Мне жаль, что я не смог остановить его раньше, меч застрял, и...

— Легко, я в порядке, — сказал Всемогуший успокаивающим тоном. «Просто моя старая травма капризничает». Его глаза блуждали по скоплению порезов на теле Изуку, и он вздрогнул. — Нам лучше отвезти тебя к девушке-выздоровливающей.

Изуку брезгливо посмотрел на All for One. «Э-э, что нам делать...»

Жар хлынул по спине Изуку. Он обернулся и увидел позади себя Индевора и Беста Джиниста.

— Однажды он обманул смерть, верно? — спросил Индевор. «Я позабочусь о том, чтобы он не сделал это во второй раз».

Взмахом пальцев подагра прыгнула в сторону «Всех за одного». Начиная с его ног и поднимаясь вверх, огонь жадно пожирал тело, превращая плоть в пепел, кипящую

кровь и раскалывая кости в пыль. В течение минуты порыв ветра унес все следы величайшего злодея Японии.

Всемогуший закрыл глаза и глубоко вздохнул. «Надо было подумать об этом в первый раз».

Звук лопастей вертолета прорезал тишину. Бест Джинист посмотрел на приближающуюся съемочную группу и сказал: «Нам нужен план. Эджот и остальные пока живы, но они не вернутся в строй как минимум месяц. Ёрои, Муша и Мирко могут не успеть. Всемогуший, ты еще можешь... Ты понимаешь?

Тошинори сжал кулак. Едва заметный намек на мускулы набух, но пар хлынул из его кожи. «У меня остались силы, но сегодня я сильно напрягся. Мне повезет, если с

этого момента у меня останется час».

Бест Джинист скорчил гримасу. «Это оставляет нас до четырех». Он повернулся к Индевору с кислым выражением лица. «Ну, похоже, ты новый Номер Один. Нам

лучше придумать историю для прессы».

— У меня есть. Он осторожно схватил Изуку за плечо, и его пламя закипело, чтобы не приготовить его. «Признай это, Хакамада, мы потерпели поражение. У нас нет

хорошего способа раскрутить это. Деку, с другой стороны, будучи старшеклассником, сразился

с самым смертоносным злодеем в истории человечества и победил. Если вы хотите сохранить мир, поставить его впереди - наш единственный вариант. Я мог бы либо взять его на себя, либо мы могли бы ускорить его создание

собственного агентства».

«Если бы у него все еще была своя причуда, я бы с тобой согласился». Бест Джинист вызвал новостной канал на своем телефоне, который показал момент, когда «Все за одного» украли причуду Деку. Спекуляции по поводу того, что это за причуда, летали взад и вперед между наспех собранными аналитиками. «Его секрет раскрыт, и общественность не будет любезно относиться к тому факту, что он лгал им в течение многих лет».

Чувство вины свернулось в животе Изуку. Он никогда не чувствовал себя комфортно, лгая, но годы его причуды, заставляющей его хранить тайну, позволили легко

забыть, что он обманывал всех вокруг себя всю свою жизнь.

Индевор нахмурился. «Я предполагаю, что ты не и десятая часть того, кем ты был со своей Причудой».

«Ну, — нервно сказал Изуку, — в этом году на спортивном фестивале...»

— Ты им не пользовался. Когда Изуку уставился на него, Индевор сказал: «Твоя игра была небрежной по сравнению с другими временами. Проходимо, но неряшливо».

Изуку почувствовал, как его уверенность умирает ужасной смертью. Он думал, что отлично справился, чтобы снова выиграть без своей причуды, но если Индевор

заметил разницу, он должен был переоценить себя. В этом было слишком много смысла. Его Причуда позволяла ему делать все идеально, и без нее он совершал бы

ошибки. Сколько раз он ошибался, когда на кону стояла чужая жизнь?

«Должен ли я вообще быть героем?» — спросил Изуку. «Я имею в виду, что я получил сертификат на свою причуду, и теперь, когда у меня его нет, несправедливо,

что я буду продолжать. Люди могут умереть, потому что я не так силен, как должен быть».

Глаза Всемогущего загорелись. С улыбкой он сказал: «Возможно, у меня есть решение этой проблемы».

Прежде чем Изуку успел спросить, что именно он имел в виду, Всемогущий сорвал волос с его головы и предложил ему. «Правда в том, что я родился без причуд».

Индевор вздрогнул, и Бест Джинист поднял бровь. Изуку уставился на него. "Но - а как? Это невозможно... - Изуку посмотрел вниз на след ожога на земле. «Он мог

бы взять Причуды. Может ли он дать их тоже?

— Да, но моя Причуда пришла не от него. С гримасой Всемогущий внес поправку: «Ну, во всяком случае, не напрямую. Это долгая история».

— Тогда поторопись, — огрызнулся Индевор. «Если есть что-то еще об этом ублюдке, что нам нужно знать, тебе лучше начать говорить».

Всемогущий вздохнул и безропотно посмотрел на остальных героев. «У всех за одного был брат, близкий к рассвету Причуд. Болезненный брат, рожденный без Причуды, по крайней мере, так предполагал Все за одного. Все за одного дал ему Причуду, накапливающую силу, думая дать своему брату достаточно сил, чтобы

восстановить его здоровье, но Причуда слилась с той, которой брат уже обладал, Причуда, которая передавалась от владельца к владельцу через обмен

генетическим материалом.

Всемогущий вертел золотистую прядь волос между пальцами. «Эта причуда, Один за всех, передавалась из поколения в поколение, пока мой наставник не передал

ее мне. В течение многих лет я искал своего преемника. Мидория - нет, Деку, ты возьмешь эту Причуду? Я предлагаю это не из жалости к вашей потерянной причуде,

а из уважения к целеустремленному, талантливому молодому человеку, которого я учил последние три года. Ты сражался, несмотря ни на что и свою собственную

причуду, чтобы найти свой путь героя, и я был бы убит горем, если бы увидел, как ты уйдешь на пенсию еще до того, как начне.

Индевор зарычал и схватил Всемогущего за плечи. «Разве твоему слабоумному мозгу не приходило в голову дать ему эту силу до того, как мы сразились Все за

одного? Представьте себе, насколько проще могло бы быть все это фиаско, если бы эти две Причуды были объединены?

Всемогущий испуганно посмотрел между ними. «Это не позволило бы мне. Я не знаю почему, но я пытался в течение многих лет, и это никогда не позволяло мне».

— Что это за оправдание? Индевор взревел.

«Это убило бы его».

Голос Всемогущего изменился, приняв эхо семи других, и его зрачки стали белыми настолько, что белки его глаз стали бледно-голубыми по сравнению с ними. Он жестко повернулся к Изуку, как будто двигая своим телом с помощью марионеточных веревок.

«Один за всех накопил больше энергии, чем когда-либо предполагалось. Для любого, у кого нет фактора причуды, даже один процент его силы разрушит каждую

кость в вашем теле без строгой физической подготовки, которая, я мог бы добавить, у вас уже есть. Однако любой, у кого есть Фактор Причуды, разорвется на части

от всей силы, хранящейся внутри него.

Индевор размахивал пламенем, а Бест Джинист развернул петли джинсового шнура. «Кто ты и что ты сделал со Всемогущим?» — спросил Бест Джинист.

«Я Первый. Младший брат. Эта накопительная причуда хранила не только энергию. Остатки прежних обладателей также оставались в спящем состоянии, пока Всемогущий не удерживал Причуду достаточно долго, чтобы ее сила пробудила нас. Что касается Тошинори, вам не

нужно бояться. Он пока отдыхает. Я взял на себя

ответственность только потому, что ему не хватает ответов, которые вам нужны, и у нас мало времени. Я напрягаю Причуду как таковую, поэтому я был бы очень

признателен, если бы вы не заставили меня защищать его.

Бест Джинист положил руку на плечи Индевора, отвлекая его внимание от Всемогущего. «Мы слушаем», — сказал он. «Итак, теперь, когда у Изуку нет причуды, он может спокойно с ней справиться».

Первый ухмыльнулся, выражение его лица Всемогущего искривилось и было чуждым, как будто улыбка другого человека была скопирована и вставлена на ее место. — Именно так.

— Подожди, — сказал Изуку. «Если это то, чего ты хотел, почему ты помешал мне взять этот дротик? Тогда ты мог бы отдать его мне раньше.

Ухмылка Первого соскользнула. «Я думаю, что без него эта битва не прошла бы так хорошо. Точно не знаю. Danger Sense на самом деле не предназначался для предсказания будущего в таких широких терминах. Все, что мы могли сказать, это то, что для Всемогущего было бы опаснее позволить тебе потерять свою Причуду.

Изуку дрогнул, услышав новость, которую ему сообщила разумная Причуда. — Ощущение опасности?

«Наши личности были не единственным дополнительным багажом. Оказывается, причуды бывших Носителей гремят и здесь. Мы даже не поняли в первый раз, со

злодеем-слизью, что произошло. Однако именно тогда мы поняли, что Danger Sense активируется сам по себе. Нам пришлось перезарядить Причуду, чтобы помочь ей

переопределить вашу».

«Так вот почему Всемогущий может изменить будущее!» — закричал Изуку, ухмыляясь внезапному откровению.

— Правильно. Первый поморщился, и Причуда сказала: «Время уходит. Мидория, нужно брать Одного за всех. Сила Всемогущего утасует, а «Все за одного» все еще

там».

Пламя Индевора вспыхнуло, и он повернулся к обугленному месту на земле, но Первый покачал головой. — Не здесь. Он сделал копию своей Причуды, и подобно

тому, как эта Причуда сохраняет наш дух, так и копия сохраняет его собственный. Могут потребоваться годы, даже десятилетия, чтобы он полностью вернулся, но

однажды он вернется, и «Один за всех» — единственный шанс остановить его».

Изуку почувствовал, как его сердце забилося в груди. Мысль о том, что он снова выступит против Всех за Одного, вызвала дрожь по всему телу. Каждый порез и

синяк, который он получил во время боя, болел от грубой агонии, как будто призрак злодея пробежал своим прикосновением по каждой ране.

«Если ты чувствуешь его, разве мы не можем найти его до того, как он вернется?»

«У меня нет чувства направления для этого. Я знаю только, что он все еще там. И, зная его, он спрятал его где-нибудь, чтобы добраться до него, потребовалась бы

очень специфическая причуда.

«Тогда мы можем спросить Лигу злодеев. Они все попали в плен, верно? Один из них должен знать, где он находится».

«Мой брат из тех, кто доверяет только тем, кто физически не способен предать это доверие». С застенчивой ухмылкой Первый сказал: «Я, наверное, виноват в

этом».

Изуку запнулся, пытаясь найти другой путь. «Я имею в виду, что другая первая десятка выстояла против них. С большим количеством героев...

«Он играл с тобой!» — взревел Первый. — И любой из них легко умер бы, если бы твоя причуда не была специально приспособлена для того, чтобы предотвратить

это. Единственная сила на земле, которая могла бы хотя бы поставить свечу Всем за Одного, есть, была и всегда будет Одна за всех. Такова природа обеих Причуд,

чтобы взять власть и наделить ее диаметрально противоположными силами, которые уравнивают друг друга. Если эта причуда выйдет, его уже не остановить.

— Но... должен быть способ, у каждой причуды есть слабость...

— Почему ты колеблешься? Первый жестом указал на бойню вокруг них. «Ты не хотел ничего, кроме как быть героем всю свою жизнь, верно? Я предлагаю вам именно

то, что вам нужно, чтобы это произошло. Вы боитесь встретиться с ним снова? Честно говоря, я думал о тебе лучше.

Возмущение и стыд горели в Изуку. На мгновение он подумал, что Первый был прав, что он был слишком трусом, чтобы снова встретиться лицом к лицу с Всем за Одного. Тем не менее, когда Изуку спросил себя, будет ли он снова сражаться с All for One, он знал ответ. Да, тысячу раз. Он чувствовал драйв глубоко внутри себя,

тот самый, который заставил его стать героем в первую очередь, что заставило его бороться со своей причудой и спасти всех вокруг себя.

Поскольку «Все за одного» не была причиной, по которой Изуку отказался принять предложенную ему причуду, он спросил себя, что заставило его колебаться. Если

не сражаться «Все за одного», то это должна была быть сама Причуда. Глядя в светящиеся, неправильные глаза Тошинори, когда Первый использовал его как марионетку, Изуку получил свой ответ.

«У меня была причуда, которая говорила мне, что делать всю мою жизнь, и я, наконец, свободна от этого. Я не собираюсь возвращаться к этому».

Выражение лица Первого ожесточилось. «Я не собираюсь так тебя контролировать, мне просто

нужно...»

«Ты пытаешься заставить меня делать то, что ты хочешь прямо сейчас!» Изуку закричал «Один за всех».

«Я пытаюсь заставить вас делать то, что нужно миру! Если бы был какой-то другой вариант, я бы не стал форсировать проблему, но Тошинори вряд ли сможет использовать нас после сегодняшнего дня, другие герои потерпели поражение, и нет других героев без причуд, которые могли бы принять эту причуду. Итак, Мидория, ты собираешься сделать то, что должно быть сделано, или ты позволишь всем умереть, потому что ты не хочешь иметь дело с ответственностью?»

Изуку дрогнул. Столкнувшись с вполне реальной возможностью того, что «все за одного» убьют каждого героя, Изуку начал отвечать ему. Однако «Индевор» прервал

его.

«Ты сказал, что люди с причудой умрут, приняв твою причуду. Это происходит немедленно или это занимает некоторое время?»

Внимание Первого приковано к Герою Пламени. «Трудно сказать. Раньше для проявления симптомов требовалось не менее десяти лет. После того, как у Тошинори

это было так долго? У вас будет максимум два года, прежде чем ваше тело разорвет себя на куски».

— Тогда я это сделаю.

Первый покачал головой. «Все за одного отправятся на землю и будут ждать. Нам нужен кто-то, кто сможет раскрыть всю мощь Одного за всех, не превращая себя в

бомбу замедленного действия».

«Двух лет будет более чем достаточно, чтобы выжечь его из той тайной ямы, в которую он заполз».

«И если вы ошибаетесь, мы вернулись на круги своя, только у Мидории меньше времени, чтобы научиться обращаться с Один за всех, и еще больше накопленной

энергии. Мы не можем позволить себе такой риск».

«Тогда любой другой мог бы...»

«Наше предвидение, каким бы расплывчатым и непригодным для предсказания будущего оно ни было, практически кричит всякий раз, когда Изуку находится под

угрозой. Он должен быть тем, кто возьмет это».

Наблюдая за тем, как Индевор вступает за него, Изуку почувствовал, что трещит под давлением требований Первого. Однако, когда он собирался заговорить,

светящиеся глаза метнулись на восток и уставились вдаль с выражением недоверия.

— Он... увядает?» — прошептал Первый. «Он уходит. С чего бы это...» Его взгляд снова

остановился на Изуку. С обеспокоенным выражением лица Первый склонил

голову и сказал: «Я приношу вам свои извинения. Я пытался заставить тебя принять эту Причуду против твоей воли, хотя и с благими намерениями. Вы совершенно

уверены, что у вас нет желания этого?

На короткое мгновение Изуку почувствовал искушение. Если бы не «Все за одного», на этом пути были бы другие угрозы, угрозы, которых он, возможно, никогда не предвидел. Изуку мог только представить, сколько людей он сможет спасти силой Всемогущего. Тем не менее, его желание освободиться от этого, выполнить свои

слова о том, чтобы стать героем без причуды, решило его.

«Спасибо, но я этого не хочу».

«Очень хорошо. Как только я уйду, Один за всех больше не может быть передан. Причуда умрет вместе с Тошинори.

— Хорошо, — огрызнулся Индевор. «Потому что вся эта штука со светящимися глазами, которую ты делаешь, должна быть самой жуткой вещью, которую я когда-либо видел у Причуды». С хмурым видом, которым гордились бы запертые люди в пространстве и времени, Индевор добавил: «И я видел, как человек выворачивал

себя наизнанку, чтобы спрятать наркотики в аппендиксе».

— Верно... ну, я поехал. О, и вы, возможно, захотите поймать Тошинори, я думаю, он собирается...

Эфирное свечение погасло. Бледные и дрожащие, глаза Тошинори закатились, и он упал в обморок. Бест Джинист поймал его прядями джинсовой ткани и прислонил

к плечу.

«Пресса будет здесь в любую секунду», — сказал Бест Джинист. — Я вытащу Всемогущего отсюда, ты займешь их.

Когда «Бест Джинист» исчез на усыпанном щебнем поле битвы, которое когда-то было тренировочной площадкой США, «Индевор» сиял от давки съемочных групп в

сопровождении полиции и героев низкого ранга. «Это лучше сделать быстро. Я собираюсь спать через неделю после этого».

Все за одного проснулись в мире тьмы и тишины. Он не чувствовал ни жидкости, в которой плавал, ни стеклянных стенок флакона, в котором хранилась его

сущность, но он чувствовал, как Причуды парят вокруг него в своих собственных флаконах, каждая из которых так же различна для его разума, как зернистость наждачной бумаги, или восковая текстура свечи, или прохладная, гладкая ласка лезвия.

Он чувствовал, как доктор Гараки мчится по комнате, поправляя несколько сохраненных Ному, которые они оставили. Без помощи других членов вернуть Шигараки

было бы проблематично, но «Все за одного» уже чувствовали, как в его голове складываются

планы, планы, основанные на будущем, которое он видел разыгрывающимся на его глазах.

Однако чем больше он думал о будущем, тем больше он обнаруживал, что гипотетический ход событий отдаляется от него. Это будущее стояло на фундаменте

смерти Всемогущего и его победы над первой десяткой. В сочетании с отсутствием его тела произошли изменения, которые сделали бесполезными любые планы,

построенные на этих видениях.

Нельзя было отрицать, что эти видения дали ему преимущество. Он все еще мог погасить MLA, получив новое тело, и он знал, какие Причуды окажутся полезными

для него и где их найти. Тем не менее, чем больше он планировал, тем больше понимал, что, независимо от того, сколько он работал над будущим, которое он видел,

он никогда не сможет его повторить.

Предвидение Мидории показало ему совершенство. Поскольку эта причуда была утеряна навсегда, и ни одна сравнимая причуда никогда не появится в будущем

человечества, «Все за одного» знал, что ни один план, который он когда-либо не сможет набросать, не сравнится с внушающим благоговение величием будущего,

свидетелем которого он был. Меланхолия пронизывала его разум, когда он тосковал по вкусу совершенства, который украшал его губы.

Опять же, кто скажет, что этого не произошло? Он пережил это прекрасное будущее, и разве это не имело значения? У него была своя победа, он наблюдал, как

слово герой исчезает из словарей и коллективного сознания человечества, он терпел до конца самой планеты. Сделав все это, был ли смысл пробовать еще раз,

зная, что он никогда не приблизится к этому?

Хотя у него не было ни легких, ни рта, ни тела, «Все за одного» смеялся сильнее, чем когда-либо за последние десятилетия. Он рассмеялся, потому что знал, хорошо и верно, что Изуку Мидория избил его.

Все за одного захотели, чтобы его Причуда разделилась на части. Он не чувствовал боли, когда ДНК, плавающая во флаконе, расщеплялась молекула за молекулой

на нуклеотидный суп. Как только Причуда деградировала до неузнаваемости, Все за Одного почувствовал, что он дрейфует за пределы контейнера, за пределы

угасающего присутствия других Причуд, за паникующего доктора, тщетно мчащегося к своему разлагающемуся генетическому материалу, за пределы логова,

встроенного в фундамент непритязательной местной больницы.

По мере того, как он плыл по течению, «Все за одного» почувствовал рывок в его душе. Больше некуда было идти, и «Все за одного» последовали за ним к берегу реки, поросшему тростником. Стоя на коленях у русла реки и наблюдая, как течет вода, Один за всех говорил, не оборачиваясь.

— Я даже не помню, как тебя зовут.

Все за одного сели рядом с ним. — Я тоже не могу вспомнить твою. Прошло несколько столетий».

Голос младшего брата дрожал от горя, когда он сказал: «Я так долго пытался заставить тебя остановиться. Почему именно сейчас? Почему ты сдался?

Старший брат усмехнулся беззаботным звуком, свободным от злобы, которого злодей не издавал с тех пор, как развил свою причуду. «Вы должны поблагодарить Мидорию за это. Его причуда показала мне такое прекрасное будущее, что я не мог вынести мысли о том, чтобы запятнать его».

— Вот и все. Я подумал – ну, теперь это не имеет значения». Младший брат встал и отряхнулся.
— Ты идешь?

«Я удивлен, что ты идешь со мной, учитывая все».

С ухмылкой «Один за всех» сказал: «Кто-то должен убедиться, что вы, наконец, пошли дальше». Его лицо ожесточилось, и он сказал: «Это не значит, что я простил тебя».

— Точно так же.

Все за одного протянул руку, кожа была безупречной, как в смутных воспоминаниях о его юности. Один за всех взял. Яркий свет окутал их обоих.

Легкий ветер раздул тростник на берегу реки, и две старые души отправились к тому, что лежало за его пределами.

Ёцубаси Рикия, одетый в маску домино, сделанную его Причудой, и скрывающий свою характерную прическу под широкополой черной шляпой, поднес руку ко лбу в

символе Дестро. Охранники ответили жестом. Труба и Скептик шли прямо за ним в сопровождении полдюжины головорезов якудза, спасенных от рейда героев.

«Я мог бы поцеловать этого старого ублюдка, если бы он был еще жив», — прокричал Ре-Дестро, беспрепятственно войдя в сердце Тартара. «Я ждал годами, чтобы

проникнуть сюда, выкупил всех охранников, проглотил все контракты на безопасность через подставные компании, и теперь, когда половина героев потеряла счет, а другая половина застряла в уборке беспорядка, я, наконец, могу привести все в движение».

В камерах временного содержания четверо охранников Тартара привлекли внимание при виде незваных гостей. Первые двое подняли свои ружья, но рухнули на

землю, когда двое других выстрелили им в спину. Приветствуя его в стиле MLA, охранники открыли двери и провели его в Лигу.

— Знаешь, — сказал Ре-Дестро, подходя к ряду камер, в которых содержались захваченные злодеи Лиги. «Учитывая, какой урон вы нанесли, я ожидал чего-то

большого... впечатляет».

«К черту тебя, мудака!» Дважды кричал. — Хотя ты не ошибаешься!

Ёцубаси усмехнулся. «Сумасшедший, психопат из старшей школы и подделка «Индевоора»... — глаза Даби горели, и огонь тлел под поверхностью его обугленной

кожи. «И возглавляет эту жалкую партию неудачников, мужчина-ребенок с, по общему признанию, впечатляющими способностями Меты. Какая трата. Я надеялся на

одного из вас, но... Он поплелся следом, осматривая Курогири, раскачиваясь взад и вперед и бормоча себе под нос, его газообразная фигура дергалась, как статика

телевизора.

Шигараки бросился на решетку камеры. «Это еще не конец. Сэнсэй вытащит нас отсюда и...

— Твой драгоценный Сэнсэй мертв.

Глаза Шигараки расширились, и он, пошатываясь, вернулся на свою койку. "Это - нет, он не может, Всемогуший никогда не сможет..."

«Это тоже не был «Всемогуший», как бы мне ни было больно это признавать. Оказывается, Мидория все это время обладала мощной Мета-способностью, предсказывающей будущее. Он сплел ловушку, и твой хозяин попался на нее». Одна только мысль о том, что этот мальчишка, который все это время выставлял его

дураком, побеждая самого могущественного злодея всех времен с помощью этой способности, отнятой у него, заставила черную маску домино расползтись по всему лицу Ёцубаси. «Но это вряд ли имеет значение. Важно то, что все кончено».

Взгляд Шигараки остановился на нем. Он зарычал и сказал: «Это не так! Сэнсэй поставил меня во главе Лиги! Я вытащу нас отсюда и сожгу это дурацкое общество

героев дотла!

«О, пожалуйста, ты всего лишь пешка. Все за одного - это тот, который наклеен на первые страницы. Черт возьми, Ному получил кусочек прожектора. Кроме Вас? Вы

сноска, запоздалая мысль, даже не заслуживающая упоминания после того, что сделал ваш учитель. Единственная причина, по которой я здесь, заключается в том,

чтобы посмотреть, есть ли хоть малейший потенциал в любой из вас, извините, группе, которым я мог бы воспользоваться. Пока я не могу сказать, что нахожу их».

Продолжая идти по коридору, Спиннер спросил голосом, полным ярости: «Вы сказали, что у Деку есть причуда?»

«Ну, имел, но да». Ёцубаси внимательно наблюдал за человеком-рептилоидом, и ему понравилась его реакция. — Я так понимаю, ты фанат.

Металл завизжал под хваткой Спиннера. — Он солгал, — прохрипел Спиннер. — Этот ублюдок солгал!

С дикой ухмылкой Ёцубаси наклонился вперед и спросил: «Хотите получить шанс на расплату?»

Другие члены Лиги бросились к решетке и бросили взгляды на Спиннера, но член Лиги рептилий проигнорировал их. «Если я получу трещину в нем, я сделаю все, что вы попросите».

Охранник открыл его камеру, и Спиннер присоединился к головорезам якудза. Оставив позади вопли ярости Шигараки, Ре-Дестро еще глубже погрузился в Тартар. Седые ветераны преступности окружили стены, некоторые остались гнить, некоторые с запрограммированной взрывчаткой на дверях для последующего хаоса, а некоторые вступили в ряды.

Ближе к дну Ёцубаси подошел к камере леди Наган. Взмахнув рукой, охранник открыл ее камеру. Войдя внутрь, Ре-Дестро спросил бывшего сотрудника Комиссии: «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы сжечь Комиссию Героев дотла?»

<http://tl.rulate.ru/book/53509/3246341>